

НАСЛЕДНИК

ХОДЯЧИЙ КЛЮЧ

КНИГА ПЕРВАЯ

Наследник.

Дмитрий Брат

Наследник. Ходячий Ключ

«Автор»

2026

Брат Д.

Наследник. Ходячий Ключ / Д. Брат — «Автор»,
2026 — (Наследник.)

Лейтенант Антон Воронцов не хотел быть героем. Его корвет «Скиталец» погиб в засаде, почти весь экипаж — тоже. Отчаянный прыжок в неизвестность забросил его на планету, которой нет ни на одной карте. Здесь джунгли дышат, орбитальные кольца древних конструкций всё ещё работают, а за единственным выжившим наблюдают. Элларизель, светлая эльфийка, ищет легендарное Сердце Небес, чтобы спасти умирающий Великий Лес. Морвен, тёмная эльфийка, идёт по её следу с собственными целями. Антону предстоит стать не просто гостем — он окажется ключом к древним механизмам, которые когда-то создали саму жизнь на планете. Но чем глубже он погружается в тайны этого мира, тем яснее понимает: за ним охотятся. А союзниками становятся те, от кого он меньше всего этого ожидал. «Наследник» — это технофэнтези о солдате, который не хотел быть избранным. О выборе между долгом и чувством, между своим народом и теми, кто стал семьёй.

Дмитрий Брат

Наследник. Ходячий Ключ

Пролог. Хроники Раскола

Человечество вышло в звёзды, как выходит путник на ночную дорогу — в надежде, что впереди свет, а не пропасть. Империя простирала щупальца бюрократии, лениво переваривая миры. Рептилоиды ждали. Их миры перенаселялись, наши — задыхались в интригах.

Старший техник Марков, трижды раненный, дважды списанный на берег и трижды возвращённый в строй, любил повторять: «Война — это как соседская склока из-за сломанного забора. Сначала ругаются, потом дерутся, а через сто лет уже никто не помнит, из-за чего началось. Забор давно сгнил, а они всё стреляют». Эту байку Антон слышал раз десять. Марков рассказывал её каждому новобранцу, добавляя новые детали: то рептилоид, спровоцировавший конфликт, превращался в злобного гения, то в пьяного дурака. Но финал всегда был один: «И вот мы сидим в окопе, сынок, и стреляем в того, кого даже не знаем. Потому что они начали первыми. Или мы. Никто не помнит»

Старики на пограничных станциях спорили до хрипоты. В архивах Империи инцидент у Глизе значился как «вероятная случайность». Но в десантных отсеках, прямо на обшивке, углём выводили один и тот же знак — стилизованную руну, похожую на перечёркнутую змею. «Смерть Рептилоидам» — на старом армейском сленге это звучало короче и злее.

Патрульный корвет «Скиталец» получил приказ: проверить аномальный сигнал у нефтяных лун Сатурна. Рутинка. Таких сигналов — десяток в неделю: обломки, метеориты, чужая болтовня.

Но этот сигнал был другим.

Он пульсировал с частотой человеческого сердцебиения — размеренно, настойчиво, словно кто-то отбивал ритм в такт ударам крови. Рина перепробовала все протоколы. Белый шум, треск помех, обрывки кодированных последовательностей. А потом — слово. Одно. Искажённое, сдёрнутое расстоянием и временем, но узнаваемое.

«Помогите».

Рина запустила лингвистический анализ. Структура слова, фонетический рисунок, интонационный контур. Совпадение с прото-эльфийским из архивов первых контактных миссий — семьдесят три процента. Но не это заставило её подать сигнал тревоги. В фоновом шуме, замаскированная под помехи, пряталась кодовая последовательность. Старая. Очень старая. Та, которую не использовали триста лет.

Код эвакуации с исследовательской станции «Надежда-7», пропавшей без вести в Поясе Оорта вместе со всем экипажем. Сто сорок учёных. Тридцать тонн оборудования. И одна технология, которую Империя не смогла воспроизвести до сих пор.

Рина сообщила капитану.

— «Надежда-7»? — Соболев побледнел. — Ты уверена?

— Вероятность — девяносто два процента. Рекомендую доложить командованию.

Командование ответило через час. Короткий приказ: «Проверить. При малейшей опасности — немедленный отход. Использовать преимущество в двигателе. В случае подтверждения кода — установить контакт любой ценой. Важность: критическая».

Соболев выругался. Он знал, что это значит. Кому-то в штабе очень хотелось заполучить технологии «Надежды-7». Он не спорил — не имело смысла. Приказ есть приказ.

С «Скитальца» вышли на связь — и попали в засаду.

Из пяти кораблей группы в живых остался один «Скиталец». С одним пилотом тяжёлой шагающей машины на борту. С единственным шансом — прыжком в неизвестность.

Прыжок состоялся.

— Рина, — позвал пилот. — Ведём журнал?

— Всегда. — Искусственный интеллект помолчал. — Как обычно.

— Запиши: день первый.

— День первый чего?

— Не знаю. Но отсчёт пошёл.

Они летели в пустоту. А впереди были звёзды, которых никто никогда не видел. И планета, которая ждала. И история, которая ещё не началась.

Глаза в темноте

За три дня до сигнала SOS.

Разведчик висел в поясе астероидов, сливаясь с тенями ледяных глыб. В рубке царил полумрак. Стены были живыми — хитин, выращенный из личинок корабля-носителя, пульсировал в такт биоритмам пилота. Вдоль стен струились тонкие нити грибницы, передавая данные прямо в нервную систему.

Шас-Та ждал.

Девять стандартных циклов. Девять циклов абсолютной неподвижности. Он был элитной особью — пять тысяч двести слияний разумов, четыреста лет одиночных миссий в тылу врага. Его задача была проста: зафиксировать сигнатуру прыжкового двигателя пятого поколения. Но Шас-Та получил особый приказ: не просто зафиксировать параметры, а записать сам момент прыжка. Вечные хотели увидеть полную картину.

Серый корвет вынырнул из тени астероида. Шас-Та активировал запись.

Прыжок произошёл внезапно. Траектория исказилась. Двигатель «Скитальца» выдал аномальный всплеск — такой мощности, что сенсоры Шас-Та на мгновение ослепли. Когда они восстановились, корвета уже не было. Но осталась запись.

Точка выхода не соответствовала ни одной известной системе. Аномалия, скрытая от навигационных систем. Скрытая планета? Или что-то иное?

Он отправил запись на планету Вечных. Все данные — спектр, тепловую карту, модуляции поля. И короткий комментарий: «Найдена аномалия. Вероятность скрытой системы — восемьдесят семь процентов. Требуется анализ».

Его миссия была выполнена.

Он не знал тогда, что через несколько дней его собственный эсминец последует за «Скитальцем» — и сгорит в орбитальном лабиринте. Не знал, что человек, сидящий внутри серой машины, через много дней поднимет руку к Синему Огню и изменит судьбу целой планеты.

Но Шас-Та был хорошим разведчиком. Он записывал.

Глава первая. Перекур перед вечностью.

Звёзды здесь были чужими.

Антон Воронцов сидел в рубке десантного корвета, пристёгнутый к ложементу, и смотрел на мерцающие в иллюминаторе огни. Не те, родные, по которым можно узнать сектор, расстояние до базы и уровень опасности. Чужие. Холодные. Молчаливые.

Он знал, что через двадцать три минуты начнётся бой. Знал, что из шести кораблей их патрульной группы в живых, скорее всего, останется один. Знал, что этим одним, по странной иронии судьбы, может оказаться именно он. Потому что всегда выживал тот, кто меньше всего этого хотел.

Корвет «Скиталец» возвращался с задания. Два дня назад они прочёсывали пояс астероидов. Задание выполнили, но не без потерь: две ракеты прошили левый борт, трое десантников погибли. Среди них — Сергей «Стрелок» Ковалёв и Илья «Механик» Морозов. Они были не просто экипажем. Они были братством.

Антон закрыл глаза и на мгновение увидел их не мёртвыми, а живыми. Вот Сергей, ещё курсант академии, стоит на плацу и с самым серьёзным видом объясняет первогодкам, почему рептилоиды никогда не победят: «У них нет юмора, а без юмора долго не протянешь». Вот

Илья, уже на «Скитальце», вытирает руки промасленной тряпкой и ворчит, что инженеры Империи никогда не думают о тех, кто будет чинить их машины в полевых условиях. «Брат, если я когда-нибудь встречу конструктора этой гидравлики, я ему руку пожму. А потом сломаю».

Их родители дружили. Матери вместе служили в медицинском корпусе, отцы — в десанте. Дети выросли, зная, что пойдут по стопам старших. Они втроём дали клятву ещё на втором курсе — глупую, юношескую, но от этого не менее серьёзную. «Верность до конца. Долг превыше всего». Антон до сих пор помнил рукопожатие, от которого хрустнули пальцы. «Теперь их нет. Семь лет братства — а потом один миг. И никого».

Антону был тридцать один. За спиной — двенадцать лет службы, три боевых ранения, одно предательство и одна женщина, которую он до сих пор не мог забыть.

Катя.

Он сунул руку за борт кителя и нащупал сложенный вчетверо лист — пластиковую «бумагу», которую Катя в шутку называла старинкой. Он не перечитывал письмо. Слишком много раз он его перечитывал раньше, и теперь слова сами всплывали в памяти: «Антон, я знаю, что ты не прочитаешь это сразу. Ты всегда откладываешь письма на потом, а «потом» превращается в «никогда». Но я пишу. Я пишу, потому что боюсь забыть твоё лицо. Сегодня утром я шла по набережной и считала волны. Двенадцать волн — столько же, сколько месяцев с твоего отлёта. Глупо, правда? Глупее только ждать. Но я жду. Возвращайся. Даже если через семь лет. Даже если седым и чужим. Я буду ждать».

Он не вернулся. А когда прилетел на Землю — её уже не было. Рина нашла только запись: эвакуирована с колонии Новый Китеж, статус — «пропала без вести».

Он закрыл глаза — и увидел их последний вечер вместе. Горный курорт недалеко от космодрома. Катя уговаривала его провести там последние сутки перед отлётом. Лошадей зимой не было, но они всё равно пошли в конюшню знакомиться. Каждая лошадь была для неё событием. «Мы купим домик в горах, — сказал Антон в тот вечер, когда они сидели у камина. — После войны. После свадьбы. Заведём пару лошадей». И в этот момент её глаза стали такими огромными, такими яркими от счастья и надежды, что он замер. Он мысленно попросил Рину: «Запомни этот кадр». И нейроинтерфейс послушно зафиксировал изображение: Катя у камина, отблески пламени на щеках, в глазах — целая вселенная, и вся эта вселенная смотрит на него с безмерной любовью.

На следующий день, на перроне, она сунула ему в руку кольцо. Маленькое, серебряное, с загадочным символом, похожим на руну. «Это семейное. Верни мне его, когда вернёшься». Он надел кольцо на мизинец и не снимал с тех пор. Антон никогда не расставался с этим кольцом*.

— Ты опять грызёшь ноготь, — заметил голос из динамика.

— Я не грызу. Я задумался.

— Ты всегда задумываешься перед боем. И всегда грызёшь ноготь. Это психосоматическое.

— Рина, не лезь в голову.

— Я в ней живу. Имею право.

Рина — персональный ИИ-ассистент, вживлённый в нейроинтерфейс Антона ещё в академии. Небольшой квантовый модуль, сменивший трёх пилотов до него. Её база данных хранила тактику сотен боев и лингвистические архивы первых контактных миссий — прото-эльфийский, считавшийся мёртвым уже тысячу лет.

— Твой предшественник, — спросил Антон, — он правда спятил?

— Он не спятил. Он начал рисовать схемы прыжков, которых нет в навигационных таблицах. Говорил, что видит Странницу — мёртвую звезду, которая зовёт его по имени. Его последние слова были: «Рина, они уже здесь». Я не знаю, кто «они». Но с тех пор я не стираю из памяти ни одного слова, сказанного в бреду.

Антон хотел ответить, но в этот миг его взгляд упал на кольцо. Символ на нём показался странно знакомым. Он отогнал эту мысль.

— О чём думал? — спросила Рина.

— О Кате. Снова. И о Серёге с Ильёй. И о том, почему мы всё ещё воюем.

— Сначала выживи здесь. Шестнадцать процентов. Это не приговор.

— Знаешь, что странно? Этот сигнал. «Надежда-7». Я помню эту историю. Её все помнят. Провал контрразведки. Высшие чиновники полетели с постов. Ходили слухи, что предательство было на самом верху.

— Сто сорок учёных, — подтвердила Рина. — Одна технология, которую Империя не смогла воспроизвести.

— И теперь этот сигнал. Через триста лет. Командование, похоже, верит в него слишком сильно. «При малейшей опасности — отход». Только что считать малейшей опасностью?

Рина не ответила. Её молчание было красноречивее слов.

— Ладно. Готовимся. Если повезёт — час работы. А если не повезёт — сделаем то, что должны.

Он проверил оружие и крепления. «Сварог» мигал зелёным индикатором готовности. Восемь метров стали, двенадцать тонн топлива. Антон провёл за её рычагами семь лет.

— Если я... если что, — сказал он, — найди её. Или хотя бы след.

— Обещаю, — тихо ответила Рина.

Корвет вздрогнул — первый выстрел прошёл рядом. На тактической карте вспыхнули метки: четыре «Ищя» и эсминец «Клык».

— Начинается, — сказал Антон.

— Начинается, — согласилась Рина.

Корвет рванул вперёд, навстречу врагу. Навстречу судьбе.

Глава вторая. Прыжок и лабиринт

После первого залпа рубка наполнилась запахом горелой изоляции и озона. Красные лампы тревоги мигали в такт сирене — монотонно, обречённо. Корвет трянуло, где-то за переборками заскрежетал металл.

— Левый маршевый уничтожен! — крикнул чей-то голос. — Осколки пробили броню рубки, двое раненых.

— Не раненых, — поправил капитан Соболев, и Антон услышал в его голосе ту особую, ледяную интонацию, которая появляется только когда всё идёт к чертям. — Трое. Мёртвых. Успокойтесь.

Антон стиснул подлокотники. Экипаж «Скитальца» — двенадцать человек. Десантная группа — четверо. Из десанта в живых остался только он: Сергей, Илья и ещё один погибли в поясе астероидов. Теперь трое в рубке. Итого пятнадцать мёртвых. Из всего корабля — горстка раненых и один пилот шагохода.

— Четыре «Ищя» вышли следом, — голос Рины был ледяным, профессионально бесстрастным. — Плюс эсминец класса «Клык». Идут по нашему следу, через двенадцать минут будут в зоне активного перехвата.

— Двенадцать минут? — Антон скользнул пальцами по голографической тактической карте. — У нас нет и пяти. Капитан, нам нужен прыжок.

— Прыжок через тридцать секунд! — рявкнул Соболев.

И в этот момент в эфире что-то изменилось. Антон услышал тяжёлое дыхание капитана — прерывистое, с хрипом, — и короткую, сдавленную фразу, которую тот, кажется, адресовал не в эфир, а самому себе:

— Простите меня мальчики.

Антон вздрогнул. Он знал, что у Соболева есть дети — мальчик и девочка, они не видели отца уже два года. Но капитан никогда не говорил о них по командной сети. Никогда. То, что он позволил себе эти слова сейчас, означало только одно: он уже не рассчитывал вернуться.

— Капитан? — Антон нажал тангенту. — Я вытащу нас.

— Знаю, Воронцов. Знаю. Держись.

— Навигатор мёртв, капитан! — голос лейтенанта дрожал. — Координат нет!

— Старые карты! — Соболев не дал договорить. — Там, триста лет назад, была исследовательская станция. Координаты — наугад. Прыжок через десять секунд!

Антон вцепился в подлокотники и приготовился к знакомому ощущению — тошнотворному падению в бесконечный колодезь, где тебя разбирают на молекулы и собирают заново.

Но в этот раз всё было иначе.

Прыжковый двигатель взревел, и пространство скрутилось в спираль. Но вместо привычной тошноты и шума Антон ощутил странную, нехарактерную ясность. Сознание расширилось, как будто кто-то снял с него невидимый шлем и впустил воздух. Он слышал — или ему казалось, что слышал, — тихий, далёкий зов. Не голос. Скорее эхо голоса. Слово, которого он не мог разобрать, но которое было ему знакомо. Как песня, которую напевала мать в детстве, а потом забыла, а он — нет.

Кольцо на мизинце вдруг потеплело. Не обожгло — мягко, почти ласково нагрелось, будто кто-то сжал его пальцы в своих.

— Рина, — мысленно позвал он. — Ты чувствуешь?

— Фиксирую аномальные эманации поля перехода, — ответила она. В её голосе Антон уловил нотку, которой раньше не слышал. Удивление? Настороженность? — Структура прыжка искажена. Поле нестабильно, но оно резонирует. С чем-то. Я не могу определить источник.

— Это опасно?

— Не знаю. Но это красиво.

— Ты сейчас сказала «красиво»?

— Я анализирую. Не отвлекайся.

Двигатель работал в аварийном режиме. Перегрузка давила, но сознание Антона оставалось непривычно чистым. Он видел образы — не галлюцинации, а скорее отпечатки, вспышки: огромные деревья, уходящие в небо; синий свет, пульсирующий в такт чему-то живому; лицо — женское, с золотыми глазами, — на мгновение мелькнувшее и исчезнувшее.

— Выход через десять секунд, — сказала Рина. — Системы стабилизации включаются.

Внезапно вибрация прекратилась. Тишина ударила по ушам сильнее любого шума.

— Ноль.

Когда Антон открыл глаза, на обзорных экранах сияла чужая звезда. Жёлтая. Спокойная. И абсолютно незнакомая. Она висела в пустоте, как старый маяк, забытый зрителем.

— Живы, — прошептал Антон.

— Живы, — подтвердила Рина. — Но капитан Соболев Его капсула повреждена. Жизненные показатели падают.

Антон переключился на командную сеть.

— Капитан! Держись! Я иду!

Тишина. Потом — слабый, прерывистый шёпот:

— Воронцов не надо. У меня не осталось времени.

— Капитан!

— Слушай меня. Ты хороший солдат. Лучший. Я знал многих. Ты — другой. Ты не просто воюешь. Ты помнишь, зачем.

Антон сжимал тангенту так, что побелели костяшки.

— Вы были мне как второй отец.

В эфире раздался слабый, едва различимый смешок.

— А ты мне — как сын. Знал бы ты, сколько раз я хотел тебе это сказать. — Пауза. Дыхание становилось всё тише. — Береги экипаж. Береги себя. И найди найди ответ. Я знаю там что-то есть. Что-то важное.

— Капитан?

Тишина.

— Капитан!

Рина ответила вместо него:

— Капитан Соболев мёртв. Я фиксирую остановку сердца. Примите командование, лейтенант Воронцов.

Антон закрыл глаза. Потом открыл. Эфир молчал. Из всего экипажа «Скитальца» в живых остались только он и Рина. Остальные — пятнадцать душ, пятнадцать судеб — ушли в эту проклятую пустоту.

Он отдал бы что угодно, чтобы оплакать их. Но времени не было.

— Преследователи? — спросил он, и голос его прозвучал ровно. Слишком ровно.

— Четыре «Ищей» вышли следом. Плюс эсминец. Идут по замыканию варп-следа. Через двенадцать минут будут в зоне активного перехвата.

— Как они нас нашли?

— Замыкание варп-следа. Старая технология Конфедерации. Они шли за нами с самого начала.

Он перевёл взгляд на орбитальные конструкции. На обзорных экранах застыл не механизм. Это был лес, посаженный разумом, который считал галактики семенами. Кольца — каждое диаметром в десятки километров — медленно вращались, испещрённые узорами, похожими на нотную запись титанической симфонии. Шпили, уходящие в черноту, были оплетены шестиугольными сотами, соединёнными мостами шириной в городские кварталы. Всё это не было мёртвым. Оно дышало. Ждало.

— Рина, — тихо позвал Антон. — Ты видишь символы на арках?

— Да.

— Они похожи на что-то из твоих архивов?

Пауза — долгая, непривычно долгая для ИИ.

— Да. Совпадение с прото-эльфийскими рунами — шестьдесят один процент. Это выше порога случайности. Антон, эти конструкции они говорят на языке, который считается мёртвым тысячу лет. Тот сигнал, «Надежда-7» и это. Связь не может быть случайной.

Антон посмотрел на кольцо. Символ на нём — тот самый, что показала Катя, — теперь горел слабым, едва заметным синим светом. Таким же, как руны на арках.

— Значит, мы не случайно здесь, — сказал он. — Что предлагаешь?

— Заманить преследователей в лабиринт. Если мои расчёты верны, агрессивные энергетические сигнатуры активируют защиту. Они уже показали, что реагируют на угрозу.

— А если они и нас примут за врагов?

— Я передала в эфир наш идентификационный код Империи. В ответ — тишина. Тогда я передала последовательность Фибоначчи. И знаешь, что они ответили? Они прислали ту же последовательность, но с одним лишним символом в конце. Это не математика, Антон. Это поправка. Они нас исправили.

— Как гостей? Или как своих?

— Как тех, кого ждали. Или как тех, кого ещё не решили убить.

Антон усмехнулся.

— Ты умеешь обнадёживать.

— Я умею считать.

Корвет нырнул под гигантскую арку. И преследователи — три «Ищя» и эсминец «Клык» — вошли следом.

Они открыли огонь.

И Небесный Лес проснулся.

Шпили засветились изнутри — не ярко, а тускло, как старые лампы накаливания. От колец отделились тонкие лучи — каждый тоньше пальца, их были тысячи — и устремились к «Ищям». Один корвет просто выключился: двигатели погасли, оружие разрядилось. Второй наварался на сегментированное кольцо и вышел облаком пыли. Третий попытался уйти в обход, но Антон вывел «Сварога» в открытый космос и добил его прямым попаданием.

Эсминец «Клык» завис на краю лабиринта. Из динамиков донеслось шипение, перешедшее в ломаный механический голос:

— Человек ты силён но мы вернёмся.

Эсминец развернулся и исчез в прыжке.

— Ушёл, — сказал Антон.

— На этот раз, — ответила Рина. — Но наша позиция раскрыта. Они вернутся, рано или поздно.

— Значит, у нас мало времени. Что с корветом?

— Топлива на обратный прыжок нет. Маршевые двигатели почти уничтожены. Атмосфера планеты пригодна для дыхания. Гравитация — 0,98 g.

— Садимся, — сказал он. — Больше некуда.

Корвет пошёл вниз. В иллюминаторе проплывали кольца — древние, молчаливые, хранящие тысячелетнюю тайну. Где-то там, на поверхности, ждали джунгли, эльфы и ответы.

— Рина, — тихо позвал он.

— Да.

— Запиши в бортовой журнал: день первый. Неизвестная система. Планета пригодна для дыхания. Начинаем посадку. И ещё — Он запнулся. — Отметка: капитан Соболев и пятнадцать членов экипажа погибли. Причина смерти — вражеский огонь. Память о них

Он не договорил.

— Я запишу, — тихо сказала Рина. — Я всё запишу.

Глава третья. Падение

«Скиталец» вошёл в атмосферу под углом сорок три градуса. Перегрузки вдавливали тело в кресло. Ветер бил в обшивку.

— Автоматика не справляется, — доложила Рина. — Беру управление на себя. Держись. Будет трясти.

Антон не был пилотом. Он был оператором шагающей машины. Но Рина хранила опыт Ларса — десантного пилота, с которым работала тридцать лет назад. Он погиб на четвёртой луне Юпитера, но его навыки остались. Рина никогда не забывала тех, с кем служила.

Она работала грубо — не плавно, как автоматика, а резко, с перегрузками, с рывками, как будто за штурвалом сидел живой человек. Ларс, вспомнил Антон. Она говорила о нём однажды. Он любил рискованные манёвры и терпеть не мог, когда машина думала за него.

Первый луч ударил на высоте тридцати километров — запоздалый, лиловый, скользнул по левому крылу, срезав обшивку как бритву. Второй попал в корму, прожёл маршевый двигатель насквозь.

— Антон, катапультируйся! — голос Рины звенел.

— Нет. Доводи до грунта. У тебя получится.

Посадка была грубой. Корвет врезался в склон котловины, проехал на брюхе триста метров, высекая искры, перевернулся через крыло, снова встал на брюхо и замер, завалившись на левый борт. В рубке погас свет. Завыла сирена. Зелёные аварийные лампы мигали в такт сердцебиению Антона.

- Живы? — прохрипел он.
- Живы. Оба. Хотя я не понимаю, как.
- Ларс был хорошим пилотом.
- Лучшим. И я передала ему твои слова.

Антон выбрался из обломков, добрался до десантного отсека. «Сварог» стоял на коленях, словно раненый зверь: левая нога — грудa гидравлики и брони, правая рука висела плетью, ракетный пакет оплавился. Но глаза-сенсоры светились ровным, спокойным синим.

- Вот и всё, — сказал Антон, осматривая повреждения. — Дом, милый дом. Он спустился на землю и замер.

Джунгли молчали. Не просто тихо — абсолютно, неестественно тихо. Ни птичьих криков, ни стрёкота насекомых. Только потрескивание остывающих обломков и редкие хлопки — где-то вдалеке всё ещё горели фрагменты двигателя, разбросанные по склону. Живность попряталась, напуганная падением железного гиганта. Даже ветер стих.

Воздух пах не озоном — пах мёдом и старой бумагой. Листья ближайшего дерева, огромные, в два человеческих роста, были покрыты сетью тончайших, светящихся голубым прожилок. Они пульсировали. Медленно. Ритмично. В такт его дыханию. Джунгли не просто жили — они прислушивались к нему, как старый учитель к нерадивому ученику.

- Рина, сканируй периметр. Я ничего не слышу, и это мне не нравится.

— Уже. Фиксирую обломки на орбите и в атмосфере. Один из «Ищев» вошёл в атмосферу следом за нами. Его траектория прервалась в трёх километрах к юго-востоку. Вероятно, аварийная посадка.

- Выжившие?
- Не могу определить. Сенсоры забиты помехами от местной растительности.

Антон выругался.

- Если рептилоид выжил, он будет здесь через час. Нужно встретить его на ногах.

Он забрался в кабину «Сварога». Машина застонала, заскрежетала, но поднялась — на одной ноге, волоча вторую за собой. Левая рука висела плетью, оторванные гидравлические шланги сочились тёмной жидкостью. Правая рука работала. Пушка-«молния» на предплечье была готова к бою.

- Состояние?
- Двигатель — семьдесят процентов мощности. Броня — двенадцать процентов целостности. Ракетный пакет неработоспособен. Пушка-«молния» — в норме.
- Жить можно.

Он не успел договорить. Из зарослей, сминая кусты и молодые деревья, выползла тень.

Тридцатиметровая, шипастая, с уродливой динозавроподобной головой и огромным плазменным резакoм вместо правой руки. «Стего» — тяжёлая шагающая машина Рептилоидов, класса «разрушитель». Её броня была покрыта вмятинами от падения, одна нога заметно хромала, но резак горел ровным, ослепительным огнём.

— Пятый, — сказала Рина. — Система аварийной посадки сработала. Он был внутри четвёртого «Ищея».

- Повезло ему.
- Или не повезло. Посмотрим.

Антон рванул рычаги, уводя «Сварога» влево. Плазма вспорола воздух там, где только что была его машина, выжигая в земле полосу глубиной в метр. Трава и мелкие кусты вспыхнули мгновенно, и джунгли осветились оранжевым заревом.

- Рина, слабое место?!
- Сочленение шеи и корпуса. Броня там тоньше. Но системам пожаротушения потребуется время, чтобы среагировать на пробой. Одна «молния» не возьмёт.
- Тогда будем бить наверняка.

«Стего» развернулся с удивительной для его размеров скоростью. Резак полыхнул снова. «Сварог», хромая, едва ушёл из-под удара — плазма прошла в метре от кабины, и Антона обдало жаром. Замигали индикаторы перегрева.

Он выстрелил из пушки. Плазма ударила в плечо врага, срезав кусок брони, но не причинив серьёзного вреда. Осколки разлетелись в стороны, выбивая щепки из стволов.

— Ты слаб! — прошипел рептилоид через синтезатор речи.

— Я живучий, — выдохнул Антон, уклоняясь. — Проверено.

— Живучих убить труднее. Но можно.

Резак полоснул по корпусу «Сварога», прожёл броню на левом боку, задел гидравлику правой ноги. Из пробоины повалил пар. Заверещали системы охлаждения.

— Антон, у нас минута, не больше! — крикнула Рина. — Реактор перегревается! Ещё одно попадание — и автоматика вырубит двигатель!

— Знаю!

Он посмотрел вверх — на деревья, на кроны, переплетённые лианами. Лес этой планеты уже проявил себя как живой организм. Может, он поможет и сейчас.

— Рина, наведи пушку на тот корень. Вон под тем деревом.

— На корень? Мы же не

— Делай!

«Стего» занёс резак для последнего удара. «Сварог» выстрелил — не во врага, а в гигантский корень, переплетённый с камнями и охватывающий ствол старого дерева. Корень взорвался фонтаном щепок и земли, и тысячелетняя машина накренилась с протяжным, мучительным скрипом, ломая соседние ветви, обрушивая лианы.

«Стего» попытался отступить, но древняя туша рухнула прямо на него, придавив резак к земле. Корни, словно живые, обвили ноги рептилоидной машины, стягивая их, лишая подвижности.

— Сейчас! — крикнул Антон.

— Выстрел!

Плазма вонзилась точно в сочленение шеи. «Стего» дёрнулся, забился в предсмертных конвульсиях. Из горла вырвалось пламя — автоматика подавления не справилась с влажным, плотным воздухом джунглей. Огонь перекинулся на внутренние системы, реактор разогнался, и машина взорвалась изнутри, разбрасывая осколки брони и гидравлику во все стороны. Один из осколков ударил в броню «Сварога», оставив глубокую вмятину, но не пробил.

— Попадание, — сказала Рина. — Пилот мёртв.

Антон выдохнул. Выключил двигатели, откинулся в кресле. В ушах всё ещё звенело, перед глазамиплыли пятна. Руки дрожали. Пот заливал глаза, смешиваясь с едким запахом горелой изоляции.

— Рина мы живы.

— Мы живы. Машина требует ремонта. И ты сам — тоже.

Выбравшись, он спустился на землю и замер.

Джунгли встретили его тишиной — не мёртвой, а напряжённой, словно всё живое затаилось, ожидая, что будет дальше. Воздух был густым и влажным. Он цеплялся за горло, пах прелыми листьями, грибницей и чем-то ещё — сладковатым, как запах больного дыхания. Земля под ногами была мягкой, но не упругой — скорее рыхлой, как плоть, потерявшая силу.

Вокруг высились стволы, не похожие на земные. Они были массивны, но их кора — серая, в глубоких трещинах — напоминала кожу, измождённую болезнью. С ветвей свисали не зелёные листья, а блёклые, желтоватые, с тёмными пятнами по краям. Некоторые ветви были голыми вовсе, и их сухие, скрюченные пальцы тянулись к небу, которого не было видно за сплошным пологом крон.

Только прожилки на стволах ещё говорили о том, что лес жив. Они пульсировали — но не ровно, а с перебоями: то вспыхнут на одном дереве, то замрут, чтобы через паузу отозваться на соседнем. Как сердце, которое бьётся через силу. Свет их был не ярким, а тусклым, зелено-вато-голубым, похожим на запоздалое эхо молнии. Антон приложил ладонь к одному из стволов. Под корой что-то толкалось — слабо, с долгими промежутками. Он отдёргнул руку.

— Рина, что это?

— Сосудистая система растения. Аналог кровообращения. Пульс нестабилен. Я фиксирую общее замедление всех биопроцессов в радиусе сканирования. Этот лес он болен.

— Чем?

— Не могу определить. Но если судить по состоянию тканей, процесс длится не первое столетие. Возможно, тысячелетия.

Антон поднял голову. Полог крон был плотным, но не монолитным — кое-где через проплешины виднелось небо. И там, в вышине, угадывались тёмные полосы — фрагменты орбитальных колец, едва различимые в сумраке. Лес и кольца, подумал он. Одно питает другое. И оба умирают.

А потом он почувствовал взгляд.

Не спиной — затылком. Волосы на голове зашевелились — древний инстинкт, доставшийся от предков, которые выживали в лесах древней Земли. Он замер, не оборачиваясь.

— Рина, — мысленно позвал он, едва шевеля губами. — У нас гость.

— Да. Гуманоидный тип. Тепловая сигнатура слабая, но устойчивая. Она здесь с начала боя.

В оптике «Сварога» он разглядел лицо, которое показалось бы юным, если бы не глаза. В них плескалась неутолимая, древняя печаль. Казалось, она смотрит не на него, а сквозь — на того, кто стоял здесь тысячу лет назад. На её скуле, прямо по коже, бежали символы, похожие на те, что горели на арках орбитального леса. Они не были татуировкой. Они двигались, как живые.

И один из них, на левой скуле, был точной копией того, что темнел на кольце Кати на мизинце Антона.

Он замер. Посмотрел на кольцо. На эльфийку. Снова на кольцо.

— Рина, ты видишь?

— Да. Символ на её скуле совпадает с символом на твоём кольце на девяносто восемь процентов. Это не случайность.

— Значит Катя

— Возможна связь. Но не делай поспешных выводов.

— Что мне делать?

— Ничего. Она пока не враждебна. Просто наблюдай.

Она ушла так же бесшумно, как появилась — скользнула вверх по ветке и растворилась в листве. Но Антон успел заметить её взгляд. Не враждебный. Не испуганный. Скорее изучающий. Как будто она тоже увидела что-то, чего не ожидала.

Символ на кольце всё ещё слабо светился.

Глава четвёртая. Точка бифуркации

День первый. Осколки

«Скиталец» разбился. Из всего экипажа и десантной группы в живых остался только Антон. Пятнадцать мёртвых, включая капитана Соболева, чья капсула превратилась в братскую могилу.

Антон не спал. Сначала — обход территории. Потом — извлечение уцелевших припасов. Ящичков было пять: десяток армейских рационов, четыре фляги с водой, аптечка, упаковки хомутов, моток армированного скотча, инструменты, тубики со смазкой. Потом — попытка запустить аварийные системы. И только после этого — осмотр «Сварога».

Тяжёлая шагающая машина стояла на коленях в трёх метрах от корпуса. Левая нога отсутствовала как функциональная единица — сервоприводы разлетелись вдребезги, гидравлика вытекла. Правая рука висела плетью. Ракетный пакет оплавился. Но реактор работал — едва слышно, на минимальных оборотах. Глаза-сенсоры светились синим.

Ночь опустилась быстро, без сумерек — чужая звезда просто ушла за горизонт, и мир погрузился в темноту. Джунгли по-прежнему молчали. Только потрескивали остывающие обломки, да изредка где-то вдалеке ухало что-то тяжёлое — может, зверь, осмелевший после заката, а может, падающее дерево.

Антон забрался в кабину «Сварога». Здесь было тесно, неудобно, пахло машинным маслом и потом, но это был единственный кусок знакомого мира на миллионы километров вокруг. Он откинулся в кресле, закрыл глаза и сжал кольцо на мизинце.

Оно молчало. Ни тепла, ни свечения. Просто старое серебряное кольцо с незнакомым символом. Антон ждал знака — хоть какого-то. Ничего.

— Рина.

— Я здесь.

— Почему оно молчит? Там, на арках, оно горело. Там, когда я смотрел на эльфийку, оно было тёплым. А сейчас — ничего.

— Возможно, оно реагирует на связь. На что-то, что есть здесь, на планете. Но эта связь непостоянна. Или требует близости источника. Я не знаю точно.

— Но символ совпадает. Ты сама сказала.

— Совпадает. Но я не могу объяснить, почему кольцо твоей невесты, подаренное за много световых лет отсюда, несёт на себе руну мёртвого языка с планеты, о существовании которой Империя не знала. Это маловероятно.

— Маловероятно — не значит невозможно.

— Нет. Не значит.

Он задремал. Снилось Катя. Она стояла у камина и смеялась, и на её щеке светился тот самый символ, что и на эльфийке. «Ты найдёшь меня», — сказала она. — «Только иди за ней».

Проснулся от холода. Джунгли начинали оживать — робко, издали доносился первый утренний птичий крик.

День второй. Холод и железо

Антон ремонтировал «Сварога». Перекоммутировал нервные пучки управления в обход сгоревших узлов, армировал броню заплатами из обшивки корвета. Левая нога ожила на шестьдесят процентов. Правая рука — безнадёжна. Ракетный пакет он отстрелил, чтобы не мешал.

— Рина, нужен крепёж для коленного сочленения. Штатный болт сорван.

— Предлагаю фрагмент обшивки из зоны семь-четыре. Если обрезать его по контуру, получится пластина с нужными параметрами.

— Ты уверена? Это обшивка. Она не рассчитана на такие нагрузки.

— Я проверила. Шестьсот сорок две симуляции. Ни одной ошибки.

— Ты провела шестьсот симуляций за две секунды?

— За одну и восемь десятых. Не отвлекайся.

К вечеру небо стало серым, пошёл мелкий, морозящий дождь. Температура упала до пяти градусов. Антон натянул поверх разгрузочного жилета аварийное одеяло — тонкую серебрястую плёнку, способную отражать до девяноста процентов тепла, — и продолжил работу.

День третий. Братство и язык

На третье утро дождь кончился. Небо было серым, но просветы синевы уже пробивались. Антон выбрался на край поляны, туда, где джунгли были не такими густыми. Смотрел на далёкие горы, на орбитальные конструкции — днём они были видны, но тускло.

— Рина, ты помнишь тот бой у астероидного пояса? Когда «Сварог» потерял левую ногу, а мы продолжали стрелять?

— Помню. Сергей тогда сказал: «Пока дышит реактор — мы живы».

— А Илья ответил: «Пока мы вместе — всё остальное починим».

Антон замолчал. Они верили в тебя, сказала Рина. А я в них. И подвёл. Ты выжил. Это лучшее, что ты мог для них сделать.

К вечеру он упаковал походное снаряжение. В один герметичный мешок — сухие пайки, во второй — аптечку и запасные магазины для пистолета, в третий — гранаты и сменные батареи для браслета. Наполнил фляги водой из ручья, перевёл корвет в режим глубокой консервации — энергии аварийных аккумуляторов хватит на семь с половиной лет работы антенн. Надел на запястье портативный ретранслятор — с ним Рина могла сканировать окружение в радиусе сотен метров. Без него — лишь три-пять метров через нейроинтерфейс.

— Рина, она там? — спросил он.

— Да. Я фиксирую тепловой сигнал. Она смотрит на тебя.

— Значит, пойду.

Антон долго сидел у костра, вертя в пальцах кольцо. Потом встал, поднял пустые руки и медленно, с трудом выговорил то, чему научила его Рина:

— А'эль'нар.

“Привет.”

В кроне было тихо. Антон стоял, опустив руки, чувствуя, как колотится сердце. Он не знал, правильно ли произнёс. Не знал, поймёт ли она.

Эльфийка молчала. Долго. Очень долго. Антон уже решил, что ошибся — не с интонацией, так с грамматикой, не с грамматикой, так с выбором момента. Он уже собирался повторить, но заметил, что она не уходит. Она смотрела на него, чуть склонив голову, и в её золотых глазах мелькнуло что-то, чего он не ожидал. Интерес. Живой, острый интерес.

Он повторил. Медленнее, стараясь вытянуть гласные так, как учила Рина:

— А'эль'нар.

Эльфийка не ответила. Но уголок её губ дрогнул — едва заметно, почти неуловимо. Тень улыбки. Антон, приободрённый этим, попробовал снова. На этот раз он сознательно сместил ударение, сделал интонацию вопросительной:

— А эль'нар?

Уголок дрогнул сильнее. Теперь Антон уже почти не сомневался — она улыбалась. Тогда он, чувствуя странный азарт, произнёс фразу, которую Рина загрузила ему прошлой ночью, но которую он не решался использовать:

— Ан'торе но эль'тар.

“Я не враг.”

И тут эльфийка улыбнулась по-настоящему. Открыто, светло, словно он только что рассказал ей лучшую шутку в её жизни. Улыбка преобразила её лицо — оно перестало быть отстранённо-прекрасным и стало живым, почти девчоночьим. Напряжение, висевшее между ними все эти дни, лопнуло, как мыльный пузырь.

Она спустилась чуть ниже — не вышла на открытое пространство, но уже не пряталась в кроне. Антон увидел, что она кивнула. И услышал её голос — тихий, мелодичный, с незнакомыми, но приятными интонациями. Одно слово, которое Рина перевела не сразу:

— Элла.

Слушаю. Или — я здесь. Или — продолжай. Точного аналога нет.

— Антон, — сказал он, коснувшись своей груди.

Эльфийка помолчала. Потом коснулась своей груди:

— Эллариэль.

Антон повторил. Она кивнула.

Первое слово было сказано. Первый контакт — установлен.

Интерлюдия. Тени над южным лесом

Двое тёмных эльфов залегли на склоне холма. Лин, старший следопыт, не отрывался от подозрительного кристалла. Рядом нервничал молодой Рейс.

— Что там?

— Чёрные железные дома падают. Серый разбился в котловине. Из него вышла шагающая машина. Светлая пряталась на дереве.

Лин видел весь бой. Видел, как человек заставил дерево рухнуть на «Стего», как добил врага точным выстрелом в шею.

— Человек, — тихо сказал Лин. — Тот, кто управляет серым великаном — человек. Из легенд. И он знает, куда бить.

— Докладываем госпоже.

К вечеру они были в замке Ундер-Кар. Замок встретил их запахом озона, старого камня и нагретого металла. Где-то в глубине, на нижних ярусах, гудели древние механизмы. Вдоль стен тянулись нити светящегося мха, дававшего ровный багровый свет. Эхо шагов тонуло в толстых базальтовых плитах.

Слуг было мало. Две эльфийки — тени самого замка, молчаливые и преданные лично Морвен. Трое телохранителей — старые воины, прошедшие с ней не одну пограничную стычку. И повариха-гномка, полукровка, которую Морвен приютила назло дяде. «Ты не можешь указывать мне, кого держать в моём доме», — сказала она тогда. Дренг промолчал, но взгляд его до сих пор вспоминался Морвен с мрачным удовлетворением.

В главном зале их ждала она. Морвен — племянница главы тёмных эльфов, наследница Дома Теней. Высокая, почти два метра. Волосы чёрные, собраны в высокий хвост, открывающий заострённые уши с серебряными кольцами. Одежда — чёрная чешуя какого-то зверя, облегающая, с множеством карманов. Двести семьдесят лет, но взгляд имела старый, тяжёлый, как свинец.

— Докладывайте.

— Светлая ушла в запретную зону. К руинам основателей. С ней — человек. Он убил железного ящера.

Морвен медленно поднялась. Провела пальцем по лезвию кинжала, и металл отозвался тихим, змеиным шипением.

— В детстве мне рассказывали, что люди — это те, кто приходит забирать долги небес. Если он здесь, Лин, значит, кто-то из светлых накопил слишком много лжи. Или кто-то из нас слишком много задолжал. — Она усмехнулась. — Я пойду и спрошу его, кому платить первой.

— Госпожа, это риск.

— Риск — когда не знаешь, что делаешь. — Она накинула плащ из чёрной чешуи, повесила на пояс два синеватых клинка с гравировкой в виде змей. За спину — короткий арбалет. Сунула за голенище метательный нож. — Я пойду одна. Если не вернусь через десять дней — значит, встретила кого-то интереснее себя.

«Если не вернусь через десять дней — значит, брат наконец-то получил то, чего хотел», — подумала она уже про себя.

Глава пятая. Лесной народ

Она не должна была здесь быть.

Эллариэль, дочь Трандила Хранителя, ушла из Исвира тайно. Никто не знал о её миссии. Даже жених, которого навязывал Совет. Великий Лес умирал. Деревья сбрасывали листву не в сезон, источники мелели. Старейшины спорили, но никто не хотел признать главного: эльфы забыли своё предназначение.

Отец показал ей манускрипты. Древние свитки говорили: эльфы созданы как хранители леса. Их магия питала деревья, деревья питали их магию. Но тысячелетия войн и гордыни сделали своё. Связь истончилась.

— Если мы не найдём Сердце, — сказал отец перед её уходом, — через сто лет Великий Лес умрёт. А за ним — и мы. Ты — моя последняя надежда.

Он положил руку ей на плечо. Ладонь была сухой и тёплой, как старая кора.

— Ничего не бойся. Лес даст тебе достойную защиту.

— Какой лес, отец? Наш лес умирает.

— Лес — это не только деревья. Лес — это всё, что живёт. Свет и тень. Корни и крона. Иди. Я верю в тебя.

Она повторяла эти слова много дней. Но когда она увидела, как с неба падают корабли, а орбитальные кольца оживают и уничтожают преследователей когда она увидела, как железный великан побеждает врага, а из него выходит человек она вдруг поняла: отец говорил не о земном лесе. Он говорил о Небесном Лесе. О том, что на орбите. О том, что прислало человека.

Погоня началась у развалин древнего кромлеха. Восемь воинов в чёрных плащах. Она скинула со следа шестерых, но двое шли за ней до тех пор, пока небо не расколосось.

Теперь она стояла перед человеком. Он поднял пустые руки и произнёс слова на её языке.

— А'эль'нар. Ан'торе но эль'тар.

— Твои слова падают, как семена в сухую землю. Правда ли ты дашь им воду?

— Я не умею обещать, — ответил он. — Но попробую.

Она шагнула ближе.

— Эллариэль. Дочь Хранителя. Я ищу Сердце Небес.

— Зачем?

— Лес плачет. Корни, что питали нас тысячелетиями, уходят в землю и не возвращаются. Мы забыли песню, которой нас учили Основатели. Я хочу вспомнить.

Она помолчала, глядя ему в глаза.

— Когда ты вышел из своей железной горы без брони, я подумала: может, это знак. Звёзды не падают просто так. Они падают туда, где нужны.

Она развернулась и пошла. Антон двинулся следом.

Через несколько часов пути. Морвен и Эллариэль идут рядом. Антон отстал, перезагружая системы «Сварога».

Морвен бросила взгляд на светлую.

— Твой лес умирает, Светлая. Я слышу его хрип за много миль. Корни гниют, а вы строите города.

— Тень питается светом. Без нас вы — пустота.

— А вы — свет, который слепнет.

Они замолчали. Шли ещё несколько минут.

— Помнишь? — вдруг спросила Эллариэль. — День наречения. Твой. Я приезжала каждый год с отцом. Ты сидела на ступенях замка и делала вид, что тебе всё равно, а сама ждала, когда я начну читать.

Морвен фыркнула, но не зло.

— Ты читала мне сказки. Про Древо Единства. Про Короля-Оленя. Про Звёздных Пастухов. Я делала вид, что мне скучно. Жизнь — это клинок, а не песня.

— Нет. Ты просто боялась. Уже тогда.

Морвен хотела возразить, но промолчала. Эллариэль продолжила:

— Мы ведь почти были сёстрами. Помнишь, как ты показывала мне старые гобелены в замке? Как мы прятались от твоего дяди в библиотеке и читали запрещённые свитки?

— Помню. — Голос Морвен стал глухим. — А потом мой брат убил твоего жениха на ритуальной охоте.

Тишина упала, как нож.

— Я не виню тебя.

— А следовало бы.

— Ты не убивала. Ты даже не знала. Дрен всегда был чудовищем.

— Да. Я знаю. Он мой брат, и он чудовище. Я боюсь его с детства. И ненавижу за то, что он сделал с тобой. С нами.

Эллариэль посмотрела на неё долгим взглядом.

— Ты никогда этого не говорила.

— А ты не спрашивала.

Они снова замолчали. Антон, ехавший сзади, услышал обрывки фраз, но не вмешивался. Рина тихо комментировала: «Уровень доверия между ними повысился на восемнадцать процентов. Это рекорд».

— Когда-то мы умели жить вместе, — тихо сказала Эллариэль. — Не как враги. Просто как эльфы.

— Когда-то. Может, истина — не в том, кто первый поднял клинок. А в том, кто первый его опустит.

— И кто же?

— Не знаю. Но я здесь. И ты здесь. И человек здесь. Этого достаточно.

Посох в руке Эллариэль засветился чуть ярче.

Часть шестая. Три тропы

«Сварог» ковылял на одной ноге, вторую волоча за собой, оставляя в мягкой почве глубокие борозды. Эллариэль шла впереди, легко перепрыгивая через корни. Морвен держалась чуть позади — не впереди, как обещал Антон, а именно позади, где она могла наблюдать за обоими спутниками сразу.

Она следила за ними уже несколько дней. С той самой минуты, как спустилась с холма у разбитого корвета. Видела, как человек возится с железной горой, прилаживая заплаты, бормоча себе под нос. Видела, как Светлая молится на закате, опуская посох к земле, и как пульсируют прожилки на её скулах в такт пульсации листьев.

Сначала Морвен решила, что человек разговаривает со Светлой. Но быстро отбросила эту мысль. Светлая явно не участвовала в диалоге — она что-то говорила сама себе, молилась или общалась с лесом, и губы её двигались в своём ритме, не совпадавшем с ритмом человека. Чувствовался явный разноречивый. Некоторое время Морвен ломала голову, но потом заметила, что, когда человек бормочет, его железный великан иногда вздрагивает, а один раз — она готова была поклясться — повернул голову-сенсор в сторону хозяина, будто прислушиваясь.

«Он разговаривает с машиной, — решила Морвен. — Железо у него живое. Успокаивает, обещает вылечить». И действительно — с её точки зрения, именно этим человек и занимался все три дня: лечил своего раненого зверя.

Светлая вызывала у неё смешанные чувства. Старый посох, ритуальная одежда, постоянные молитвы — Эллариэль явно собралась в какой-то поход, смысл которого Морвен пока не разгадала. *«Ищет Сердце Небес, — твердила она себе. — Но почему рядом с ней человек?»* Этот вопрос не давал покоя.

Теперь они шли втроём, и Морвен молчала, переваривая наблюдения.

— Стой, — сказал Антон, останавливая «Сварога». — Здесь ночуем.

Он выбрал поляну у ручья — достаточно открытую, чтобы видеть приближение, достаточно закрытую, чтобы не быть замеченными издали. Спешился, размял плечи.

— Эллариэль — костёр. Сухие ветки, побольше. Морвен — ужин. Я — охранение.

Эльфийки переглянулись. На их лицах отразилась растерянность, смешанная с возмущением. Какая-то человеческая особь, только вчера упавшая с неба, раздаёт им приказы? Светлой? Тёмной?

Эллариэль нахмурилась. Морвен сузила глаза. Ни одна не двинулась.

Антон, заметив их реакцию, вздохнул. Он не был дипломатом, но кое-что понимал в напряжении перед боем. И знал, что лучшее средство против него — не приказ, а что-то совершенно неожиданное.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда так. Я встану на стражу, потому что меньше всех нуждаюсь в сне, а больше всех — в тишине. Костёр разведёт тот, кто лучше понимает лес. — Он посмотрел на Эллариэль. — Ужин приготовит та, что лучше разбирается в травах и ядах. — Он перевёл взгляд на Морвен и добавил, чуть помедлив: — Доверяю твоему вкусу.

Это не было солдатской шуткой в привычном смысле. Но интонация — сухая, чуть усталая, совершенно лишённая страха или злобы — подействовала. Человек не угрожал. Не требовал. Он просто устал. И это было понятно без слов.

Эллариэль поджала губы, сдерживая неуместную усмешку. Морвен хмыкнула, и напряжение, готовое перерасти в ссору, разрядилось.

— Ладно, — сказала она, разворачиваясь к своим мешкам. — Ужин так ужин.

Костёр разгорелся быстро. Эллариэль умело сложила ветки, найдя для этого сухую палку на краю поляны — посох остался стоять у древесного ствола, нетронутый. Пламя взметнулось высокое и ровное. Морвен достала припасы — вяленое мясо, лепёшки — и разложила на чистом камне.

«Сварог» стоял на краю поляны, и Морвен то и дело бросала на него взгляды. Железный великан был не такой. Не просто машина. Он двигался, даже когда человек не прикасался к рычагам. Он вздрагивал, словно живой. И когда Антон обращался к нему — к ней? — из динамиков звучал чужой голос, переводивший слова на язык эльфов.

«Рина», — так называл её человек, когда представлял. Морвен запомнила это имя. Железный дух. Она не решалась спросить прямо, но любопытство жгло. Пока она ограничилась тем, что села так, чтобы видеть и костёр, и силуэт машины в сумерках.

— Я знаю эти земли, — сказала Морвен, не поднимая глаз. — К горам ведут две дороги. Одна — через земли орков. Два дня ходу, но орки не любят гостей. Особенно светлых. Особенно тёмных, которые когда-то убили их вожда.

— А вторая? — спросил Антон.

— В обход. По старой тропе охотников. Дольше на день, но безопаснее. Орки туда не суются — говорят, там водятся призраки.

— Призраки?

— Старые механизмы, — пояснила Эллариэль. — Я читала об этом в свитках. Они иногда сами включаются. Гномы их боятся и обходят стороной.

Антон перевёл взгляд на Морвен:

— Ты предлагаешь обход?

— Да. Короткий путь — быстрее, но мы пока не доверяем друг другу. — Она посмотрела на Антона прямо. — Я не поведу вас через земли орков, пока не буду уверена, что вы не воткнёте мне нож в спину при первой опасности.

Антон выдержал её взгляд.

— Разумно. Идём в обход.

Эллариэль кивнула. Морвен, кажется, не ожидала, что он согласится так быстро, но виду не показала.

— Тогда завтра на рассвете.

Ночь опустилась быстро. Антон остался в первой смене, сидя спиной к костру и глядя в темноту. «Сварог» стоял рядом, и Морвен, засыпая, в последний раз посмотрела на машину.

“Железный дух. Живой. Интересно, что он думает о нас?”

Ответа не было, но где-то в нейроинтерфейсе Рина тихо отметила: «Тёмная проявляет признаки любопытства. Уровень доверия — ноль, но потенциал — выше ожидаемого».

Утром они двинулись в обход, к старой тропе охотников, уводившей в предгорья.

Глава седьмая. Путь к сердцу День первый. Дорога и костёр

Они шли весь день, и джунгли постепенно менялись. Стена листвы расступалась, открывая взгляду холмистую равнину, поросшую жёсткой травой. Ветер здесь был суше, воздух — прозрачнее. Позади остался влажный запах цветущих лиан, впереди — горьковатый аромат полыни и разогретого камня.

Морвен держалась впереди, выбирая тропу. Элларизель шла следом, иногда останавливаясь, чтобы коснуться ладонью ствола особенно старого дерева — прощалась. Антон на «Свароге» замыкал.

К вечеру остановились у подножия скального выхода. Элларизель развела костёр. Морвен молча чистила арбалет, и её пальцы двигались машинально.

А потом она запела.

Тихо, почти про себя. Мелодия была простой — повторяющийся мотив из трёх нот, древний, как сами горы. Слов Антон не понимал, но Рина уже переводила, подавая текст прямо в нейроинтерфейс:

«Спи, дитя леса, под корнями.

Дух-хранитель укроет крыльями.

Нежность его — в каждой ветви,

Любовь его — в каждой тени»

Элларизель замерла. Её рука с прутиком застыла над огнём.

— Я знаю эти слова, — сказала она тихо. — Мы пели их в детстве. Перед сном.

Морвен не ответила, но и не перестала напевать. Элларизель подхватила — сначала робко, потом увереннее. Два голоса, высокий и низкий, сплелись над костром.

Когда песня кончилась, Морвен резко встала и отошла к «Сварогу». Она ничего не сказала, но её поступок говорил сам за себя: она позволила светлой увидеть то, что прятала даже от самой себя. И теперь не знала, что с этим делать.

Элларизель смотрела ей вслед. В её золотых глазах стояли слёзы — не горя, а памяти. Той, что просыпалась в обеих.

Рина в нейроинтерфейсе тихо отметила: «Я зафиксировала: у Морвен участился пульс. Не от страха. От волнения. Она не ожидала, что светлая узнает песню. Она не ожидала, что вообще запоёт вслух».

День второй. Ловушка

Утром двинулись дальше. Тропа вилась между холмами, иногда ныряя в заросли, иногда выбегая на открытые каменистые склоны.

Треск раздался внезапно. Земля под левой ногой шагохода ушла вниз — старая охотничья яма. «Сварог» накренился, заваливаясь на бок. Антон успел нажать аварийный сброс люка, но его вышвырнуло из кабины. Машина рухнула следом и замерла, придавив ему ноги левой рукой.

— Антон! — Элларизель бросилась первой.

Морвен спрыгнула в яму следом. Оценила положение.

— Железная рука держит его. Если поднять её — он выберется. Моя сила работает с пустотой. Твоя — с живым. Вместе мы сможем.

Элларизель помедлила лишь мгновение. Потом кивнула.

Они встали по обе стороны от машины. Морвен закрыла глаза, и тени под «Сварогом» сгустились — плотные, почти осязаемые. Земля размягчилась. Элларизель подняла посох, и из стен ямы вырвались тонкие корни, оплели мёртвую руку и потянули вверх.

Две магии — тьма, работающая с пустотой, и свет, работающий с жизнью, — потекли рядом. Не смешиваясь, но действуя заодно.

Металл заскрежетал. Рука приподнялась.

Антон вытащил ноги, отполз к стене.

— Вы сработали вместе.

— Лес помог, — сказала Эллариэль, тяжело дыша. — И тень помогла.

Морвен ничего не сказала. Она смотрела на светлую, и в её глазах, впервые за всё время, не было ни насмешки, ни холода. Только усталость. И странное, почти забытое чувство — словно они уже делали так когда-то. Давно. В другой жизни.

День третий. Руины и то, что в них проснулось

К вечеру второго дня они вышли к руинам.

Это не было похоже на эльфийские строения. Низкие приземистые бараки из серого камня, ангар с провалившейся крышей, остов вышки, упавшей набок. Стены проросли мхом и травой, но кое-где ещё виднелись металлические детали, не тронутые ржавчиной. Сплавы, которым время было нипочём.

Эллариэль шла медленно, касаясь стен. Её посох тускло светился.

— Здесь жили те, кто пришёл до нас. Не эльфы. Не гномы. Старше.

Морвен стояла в стороне. Она не двигалась, только смотрела на руины, и её лицо было непроницаемым. Но внутри всё дрожало.

В детстве Эллариэль читала ей легенды о Звёздных Пастухах. О тех, кто зажёт свет в небе и вдохнул жизнь в леса. Морвен смеялась тогда. «Это сказки, Светлая. Жизнь — это клинок, а не песня».

Но здесь, среди рассыпающихся стен, она чувствовала то, чего не могла объяснить. Словно сами камни помнили. Словно тени, что тянулись от развалин, были не просто темной, а чем-то древним. Что-то смотрело на неё. Не враждебное. Скорее — ждущее.

Она не могла бы выразить это словами, даже если бы захотела. Но где-то глубоко, под слоями цинизма и страха, в ней зажглась искра. Не вера — ещё нет. Скорее трещина в стене, которую она строила двести семьдесят лет. И сквозь эту трещину пробивался свет.

Эллариэль подошла к ней.

— Ты молчишь. Но я чувствую: что-то изменилось.

Морвен не ответила. Но и не отстранилась. Это было больше, чем слова.

Утро перед пирамидой

На третий день, на рассвете, они увидели огонь.

Он горел на горизонте — синий, холодный, пульсирующий в такт чему-то невидимому. Пирамида вырастала из земли медленно, ступень за ступенью — семь огромных каменных блоков, уходящих в небо. Подножие скрывали заросли, но вершина сияла, как маяк.

— Вот оно, — голос Эллариэль дрогнул. — Сердце, которое звало нас.

Морвен стояла рядом. Её пальцы сжимали рукоять кинжала, и в груди боролись два чувства: страх, что человек не справится, и ужас от того, что если справится — значит, всё, во что она не верила, окажется правдой. А мир, который она знала, рухнет.

Антон заметил её взгляд.

— Ты боишься.

— Да. Что ты не сможешь. И что сможешь. — Она помолчала. — Если камень примет тебя, значит, древние легенды — не вымысел. И все мои прежние мысли были ошибкой.

Эллариэль шагнула вперёд. Её лицо было спокойным, но в глазах стояло то же чувство.

— Я пойду первой.

— Нет. — Антон мягко отстранил её. — Легенды говорят: если здесь нужна жертва — пусть это буду я.

Он двинулся к пирамиде. Эльфийки остались у подножия.

— Если он не вернётся, — тихо сказала Морвен, — нам некуда будет идти.

— Если он не вернётся, — ответила Эллариэль, — нам и не за чем будет жить.

Синий свет пульсировал на вершине. Всё только начиналось.

Глава восьмая. Сердце Небес

Пирамида выросла перед ними — семь каменных ступеней, каждая в рост человека. На вершине пульсировал синий огонь, и свет его был плотным, тяжёлым. Он не грел и не слепил — он давил на сознание, как присутствие невидимого великана.

— Я слышу его, — прошептала Элларизель. — Оно не молчит. Оно ждёт.

— Я тоже слышу, — отозвалась Морвен. Голос её был глухим, неуверенным. — Только это не звук. Это словно тень, которая дышит.

Антон поднялся по ступеням. Каждый шаг отдавался гулом в висках. Кольцо на мизинце нагрелось и запульсировало в такт синему огню.

— Рина, — мысленно позвал он.

— Я фиксирую направленное сканирование. Оно смотрит на тебя. И на меня тоже.

— Ты чувствуешь?

— Да. Впервые за всё время я чувствую, что кто-то касается моего кода. Не вторгается — изучает. Спрашивает. Я пытаюсь ответить.

Антон протянул руку. Ладонь коснулась синего пламени.

Мир исчез.

Он висел в пустоте, наполненной звёздной пылью. Вокруг не было ни верха, ни низа. Только бесконечная глубина и многоголосый шёпот, который касался чего-то глубже разума — чего-то, что Антон не контролировал.

«Тот, кто носит плоть зачем ты здесь?»

Он не мог ответить разумом. Душа отвечала сама, без слов. Из него вытекал сам смысл его существования: он хотел выжить, спасти тех, кто спал под горой, найти Катю, понять, ради чего всё это.

Голоса смолкли.

«Достаточно. Наследник идентифицирован. Ключ принят».

Тишина. А потом — мягкий толчок, и реальность вернулась.

Символ на руке горел. Не обжигал — светился ровным синим светом, и боль от контакта, которую Антон ожидал, не пришла. Его просто испытали — и приняли.

Пирамида вздрогнула. Из скрытых люков выкатились три сферы, засветились синим и заструились к «Сварогу» жидким серебром.

Элларизель отступила на шаг. Морвен положила руку на кинжал.

— Что это? — голос светлой дрожал. — Я не слышу магии. Совсем. Но это это движется само.

— Металл, — прошептала Морвен. — Мёртвый металл ожил.

Сферы коснулись брони и потекли. Левая нога «Сварога» выпрямилась, правая рука сжалась в кулак. Машина загудела — ровно, чисто, как никогда после крушения.

Элларизель смотрела во все глаза. Восхищение боролось в ней со страхом.

— Всю жизнь меня учили: железо несёт только разрушение. Им убивают. Им сжигают леса. А здесь железо лечит железо. Как это возможно?

— Не знаю, — ответила Морвен. — Но, похоже, мы ошибались.

Сферы закончили работу и замерли у подножия пирамиды, слившись с камнем. «Сварог» стоял, выпрямившись, и его глаза-сенсоры горели ровным синим светом.

Антон опустил руку на ступень пирамиды. Ладонь всё ещё покалывало, символ на руке пульсировал в такт сердцебиению.

— Рина? Что это было?

— Получен пакет данных. Координаты. Указания. — Голос Рины звучал необычно — медленнее, словно она сама пыталась осмыслить информацию. — Сердце Небес — не конечная цель. Это указатель. Его заряд на исходе. Если он погаснет, орбитальная защита рухнет, и рептилоиды войдут в систему беспрепятственно.

Антон перевёл взгляд на эльфиек. Они стояли поодаль, всё ещё замороженные зрелищем живого металла, но уже заметили перемену в его лице.

— Это не конец пути, — сказал он. — Сердце дало ответ, но не тот, которого мы ждали. Его заряд на исходе. Если мы ничего не сделаем — через несколько столетий Небесные Леса умрут. И тогда рептилоиды придут сюда. Они сожгут ваши леса. Убьют ваш народ.

Эллариэль побледнела. Посох в её руке дрогнул, свет на навершии замигал.

— Ты говоришь то, что защищало нас тысячи лет оно умирает?

— Да.

Морвен молчала. Её лицо было непроницаемым, но пальцы сжались в кулаки.

— И как это остановить?

— Нужны знания. Полные данные хранятся в трёх местах. Первое — архив Основателей, в городе-башне гномов. Там — ответы: история, карты, записи о том, как восстановить баланс. Второе — Молот-Тор, генератор энергии. Третье — Пасть Дракона, шахта глубоко под землёй. Что там — пока неясно.

Эллариэль выпрямилась. Её лицо всё ещё было бледным, но в голосе зазвенела решимость.

— Значит, путь продолжается. Мы идём к источнику знаний.

— Стоять.

Голос Морвен прозвучал резко, как удар хлыста. Она шагнула вперёд, и её тень, отброшенная синим светом, легла на ступени.

— Ты просишь нас идти в земли гномов. На основании слов твоего железного духа. Ты показал мне чудо, — она кивнула на пирамиду, — но чудеса могут быть ловушкой. Я не из тех, кто верит.

— Я не прошу слепо верить, — ответил Антон. — Я прошу проверить. Дойти до архива. Там — записи Основателей. Не мои слова. Не слова Рины. Их слова. Если я ошибаюсь — ты убедишься в этом сама. Если прав — мы узнаем, как спасти твой народ.

Морвен молчала долго. Эллариэль смотрела на неё с надеждой и болью. Наконец тёмная разжала руки.

— Я дойду до этого архива. Не потому, что верю тебе. Потому, что хочу увидеть записи своими глазами. И если ты солгал

— Я знаю, — сказал Антон. — Ты убьёшь меня.

— Медленно.

Эллариэль выдохнула. Она не улыбнулась, но напряжение отпустило её плечи.

— Значит, идём вместе. Как шли до сих пор.

Морвен ничего не ответила. Она развернулась и отошла к «Сварогу», встав так, чтобы видеть и костёр, и тропу, и пирамиду за спиной. Но Антон заметил: она не ушла. Она осталась.

.Корни памяти

В тот момент, когда Антон коснулся огня, Эллариэль тоже кое-что увидела.

Она стояла в Лесу — но не в том, что умирал за её спиной. Здесь деревья были выше, листва гуще, воздух плотнее. Под корнями пульсировала сеть синих прожилок, и весь лес дышал, как единое существо.

Из-за с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.